

УДК 94(470)''1941/1945''

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ ВОЙСК
ИЗ МЕСТНЫХ РЕСУРСОВ КАК АСПЕКТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В 1941–1945 гг.**

**RATION SUPPLY OF TROOPS FROM LOCAL RESOURCES
AS AN ASPECT OF EVERYDAY LIFE OF THE WORKERS'
AND PEASANTS' RED ARMY IN 1941–1945**

А. Э. Ларионов

A. E. Larionov

*ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»,
Московская область, пос. Черкизово*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме продовольственного снабжения Красной Армии в годы Великой Отечественной войны в контексте повседневной жизни войск. Рассмотрены основные варианты использования местных ресурсов как источников пополнения запасов продовольствия.

Abstract. This article deals with the problem of ration supply of the Red Army during the Great Patriotic War in the context of the troops' everyday life. The main alternatives of using local resources as sources of re-supply of food are considered.

Ключевые слова: *военная повседневность, продовольственное снабжение, питание, само-снабжение, местные ресурсы.*

Keywords: *military everyday life, ration supply, food, self-supply, local resources.*

Актуальность исследуемой проблемы. Наличие большого количества малоисследованных вопросов в истории Великой Отечественной войны, открытие и публикация новых источников, развитие историко-антропологических исследований в отечественной исторической науке и продолжающиеся попытки негативистской мифологизации образа Великой Отечественной войны в массовом сознании российского общества обуславливают актуальность исследований в области фронтовой повседневности. Потому изучение темы продовольственного снабжения войск из местных ресурсов как аспект повседневной жизни Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в 1941–1945 гг. способно не только существенно расширить наше представление о войне, но и стать одним из средств противодействия попыткам негативистской мифологизации истории войны и образа поколения победителей.

Материал и методика исследований. Данная статья основана на материале архивных источников, мемуаров и дневников участников войны, сочетая в себе описательную и аналитическую составляющие. Фактическая реконструкция фронтовой повседневности осуществляется на основе исторических источников, после чего производится их комментирование и обобщение.

Результаты исследований и их обсуждение. Исторические исследования в области военной повседневности и в наше время приобретают достаточно большую популярность в среде научного сообщества российских историков. В процессе работы над темой настоящей статьи, анализа источников был выявлен ряд существенных подробностей продовольственного снабжения действующей армии в 1941–1945 гг.

Обеспечение войск продовольствием во все времена являлось одной из важнейших составляющих их боеспособности. Нередко случалось, что отсутствие своевременного подвоза продовольствия вело к превращению воинских частей в неорганизованную толпу, готовую сдать в плен без единого выстрела.

Реалии Великой Отечественной войны были таковы, что не всегда существовала возможность бесперебойно снабжать сражающиеся войска продовольствием и фуражом в полном объеме и своевременно. Кроме того, достаточно быстро советское военное командование осознало, что исключительно централизованное снабжение многомиллионной массы войск путем подвоза всего необходимого перегружает транспорт и зачастую в принципе невозможно. Потому существенную часть продовольственного рациона войск составляли продукты, заготавливаемые за счет так называемых местных ресурсов. Важность этой проблемы подтверждается руководством и утверждается специальными приказами Главного управления тыла Красной Армии, тыловых управлений фронтов и армий. Уже 4 июля 1941 г. начальником тыла Красной Армии, генерал-лейтенантом Андреем Васильевичем Хрулевым была подписана специально разработанная «Инструкция о порядке проведения заготовок сельскохозяйственных продуктов в районах военных действий и в прифронтной полосе» (от 1 июля № 1801-803сс), которая предусматривала единый комплекс мер по упорядочению заготовок продовольствия и фуража из местных ресурсов.

Пунктом 1 разрешалось заготавливать продфураж из местных ресурсов, что по факту означало признание невозможности полномасштабного централизованного снабжения действующей армии: «Органам военного снабжения Красной Армии (интендантской службы) разрешается производить для текущего снабжения войск заготовки живого скота, хлеба, картофеля, овощей, молока, масла, сена у колхозов, колхозников и индивидуальных хозяйств» [6].

В пунктах 2–5 определялись принципы и механизмы осуществления продовольственных заготовок. Четкая регламентация этого процесса была необходима во избежание злоупотреблений и хаоса, ведь обеспечивать продовольствием предстояло миллионные массы войск на огромной территории.

Ответственность, как и следовало ожидать, возлагалась на командиров соответствующих армий и дивизий. Непосредственные меры по продзаготовкам осуществлялись войсковыми интендантами, что также вполне закономерно. Территория заготовок строго районировалась и распределялась между частями, которым запрещалось выходить за пределы отведенных им границ.

Поскольку реальное наличие продуктов могло резко контрастировать с требуемой нормами Наркомата обороны номенклатурой, постольку войсковым интендантам предоставлялись права осуществления замен на местах, формально – по «таблице замен», фактически это означало разрешение действовать по обстановке.

Наконец, пунктами 7–15 регламентировалась отчетно-финансовая сторона заготовок из местных ресурсов. По сути, войсковым интендантам в полосе заготовок делегиро-

вались полномочия государственных органов, ранее предоставлявшиеся сотрудникам Наркомата заготовок. Интенданты вступали в контакты с администрацией колхозов и совхозов, с отдельными колхозниками и единоличниками, производили с ними наличный расчет за продукты, а выдававшиеся по факту произведенных закупок чековые требования являлись основанием для зачета переданного войскам продовольствия в счет госпоставок: «Одновременно с оплатой за продукты колхозам, колхозникам и единоличникам выдаются чековые требования, в которых указывается: от кого, когда, сколько, каких именно продуктов было продано и какая за эти продукты уплачена сумма. При этом в чековом требовании обязательно указать, от кого получены продукты: от колхоза (и его название), колхозника или единоличника (и их фамилии), так как эти чековые требования будут передаваться колхозниками Уполнаркомзагам для зачета сдачи обязательных поставок государству. Также указать район и область заготовок» [6].

При этом вводился прямой запрет на заготовки без чековых требований – так пытались застраховаться от произвольных изъятий: «Оприходование продуктов и списание в расход денежных средств производятся по талону чекового требования, на котором представитель колхоза, колхозник или единоличник расписывается в получении денег за проданные продукты.

Продовольствие или фураж, закупленные войсковыми частями в районе военных действий и в прифронтовой полосе непосредственно у уполномоченных Наркомзага, отпускаются также только по чековым требованиям части» [6].

За проведенные заготовки интендантские службы отчитывались подекадно перед вышестоящими органами. Конечной же инстанцией сбора сведений являлось Главное интендантское управление Красной Армии (ГИУ РККА). Отчет был необходим для дальнейшего общего планирования объемов, состава и направлений продовольственно-фуражного снабжения. Кроме визы А. В. Хрулева, на данном документе стоит подпись начальника Главного управления продовольственного снабжения (Упродснаба) РККА, генерал-майора интендантской службы В. Ф. Белоусова [6, лл. 229–230].

Однако условия военных действий и зависимость от них быта подразделений и частей были таковы, что даже организованное снабжение продовольствием с опорой на местные источники запаздывало либо становилось невозможным. В таких случаях солдаты и офицеры, оказавшиеся в безвыходном положении, переходили на самоснабжение за счет местного населения, что на фронтовом языке называлось «бабкиным аттестатом». В сущности, питание за счет хлебосольности местного населения стало единственным средством выживания во время окружений, которые в первый год войны были столь часты для Красной Армии.

Осенью 1941 г. будущий академик, а в то время – просто сержант и командир взвода 2-й минометной роты 675сп 15сд Николай Иноземцев в своем фронтовом дневнике описывает питание во время выхода из «Киевского котла»: «На ходу едим хлеб и помидоры, вынесенные какой-то старушкой. Прошло ровно сутки с тех пор, как ели последний раз. Отмахали километров 12–15, больше идти нет сил. Какое-то село. Заходим в хату. Хозяйка начинают разогревать борщ, картошку. Пьем спирт из противоиопритовых пакетов, обедаем. Глаза буквально слипаются. Замертво падаем на солому...» [2, 83–84].

Продукты выпрашивались, обменивались, покупались, а то и реквизировались у местного населения. Хрестоматийная картина, когда население само делилось со своими освободителями последним куском хлеба, была часто преобладающей. Но окружение –

это далеко не единственный случай, когда солдатам и офицерам приходилось в поисках пропитания рассчитывать на помощь и без того разоренных войной людей. В периоды успешных отступлений отставание тылов и полевых кухонь было нередко типичным: «Тыловые части отстали, снабжение прекратилось. Весь март и половину апреля мы продвигались, питаясь только, как говорили, с «бабкиного аттестата». Заходили к ночи в село, разбредались группами человек по пять-шесть в одну хату и просили хозяйку накормить нас. Хлеба почти не было, но картошка была всегда. Хозяйки хлопотали до поздней ночи, кормили нас, утром обеспечивали завтраком и на дорогу давали вареной картошки и еще, чего бог послал. Вот так мы и шли» [4].

«Помню, в станице Морозовская захватили немецкие армейские склады. И мы, и местные жители вдоволь попользовались их продуктами. Когда шли по улице, жители выхватывали солдат из строя и уводили домой в гости. Ко мне старушка подходит со слезами: «Сынок, у всех гости, а ко мне никто не идет. Пойдем ко мне». Я пошел. В одной комнате чугунок с горячей водой стоят, в другой – корыто, рядом – чистое белье. Она говорит: «Сынок, ты помойся, смени белье, грязное брось в угол, я потом постираю». – «Да не надо белья». – «Нет, переоденься, это белье моего сына, может быть, его там тоже кто-нибудь обогреет». Я помылся, переоделся. Выхожу. На столе уже – сковородка с картошкой и тушенкой. Картошка у них, естественно, своя. А тушенка немецкая. Я первый раз за то время, пока был на фронте, наелся! Я говорю: «Спасибо, спасибо». – «Тебе спасибо, что не побрезговал, зашел» [1, 108].

В целом, как следует из ряда воспоминаний фронтовиков, стандартным набором «бабкиного аттестата» был чугун картошки, молоко, сало, хлеб, соленые огурцы, квашеная капуста и самогонка. Бывали случаи, когда местное население, находясь на грани голода, делилось с солдатами последним, что было, – иногда это были подсолнечные жмыхи, лепешки из отрубей и т. п. Но были случаи, когда население отказывало нашим солдатам в минимальных просьбах, вплоть до куса хлеба, или делилось явно неохотно, даже если предлагались меновые отношения. Об этом с гневом пишет в своем фронтовом дневнике офицер-переводчик Владимир Стеженский, когда летом 1942 г. рассказывает о прохождении по Ростовской области [6, 68]. Местное казачье население порой не считало нужным скрывать своей враждебности к красноармейцам – явно сказывались воспоминания о Гражданской войне. Примечательно, что и во время наступления Красной Армии зимой-весной 1943 г. в тех же местах такие случаи повторялись, хотя и без видимых проявлений враждебности.

Ротным старшинам приходилось изыскивать самые невероятные возможности для того, чтобы обеспечить питанием солдат своих подразделений. Об одном из таких случаев повествует в своих воспоминаниях «труженик войны» Василий Петрович Решетников. Дело было в 1944 г. В результате налета немецкой авиации на тылы дивизии была разбита полевая кухня, так что бойцы на передовой на какое-то время остались на «подножном корме». И вот, чтобы пополнить рацион, Решетников решил проползти по нейтральной полосе к заброшенным хуторским постройкам, чтобы разжиться там бесхозно бродившими курами. Это ему удалось. Уникальность же ситуации заключалась в том, что полз старшина, сам того не ведая, по минному полю. На обратном пути, когда он с мешком, набитым наловленными курами, полз к нашим траншеям, по нему открыли огонь немецкие пулеметчики. Мешок и куры были изрешечены пулями, но сам Василий Решетников не получил ни царапины! [3, 259–261].

Поступок старшины – не меньший подвиг, чем уничтожение гранатой вражеского танка, хотя на первый взгляд подоплека его насквозь прозаическая и ни одного уничтоженного врага в приведенном эпизоде нет. Но готовность «положить душу за други своя» присутствует в полной мере, а именно этим и определяется мера подвига.

Резюме. На основе анализа документальных и мемуарных источников можно отметить многообразие способов заготовки продовольствия за счет местных ресурсов, к которым относятся: централизованные закупки продовольствия интендантскими службами, получение продуктов под расписку, реквизиции, захват трофеев, самостоятельный обмен солдатами вещей на продукты у местного населения, «бабкин аттестат», наконец, насильственный отъем продуктов, – отсюда различное качество данного источника питания войск. Также следует отметить, что существовали два таких основных типа использования местных источников, как организовано-централизованная и индивидуально-стихийная. В свою очередь, названные типы включали в себя существенное разнообразие конкретных форм контактов с местным населением как официальных представителей войскового командования разных уровней, так и действовавших по своей инициативе групп и отдельных военнослужащих. По мере приближения Победы улучшалась и система продовольственного снабжения, а с ней – качество ежедневного питания Красной Армии. Когда же наши войска вошли в Европу, то последовало и очередное изменение ситуации с использованием местных ресурсов продовольствия. Вкратце укажем только на основное различие, которое проявлялось в сознании и поведении наших войск: к жертвам агрессии Германии отношение было мягким, даже жалостливым, к Германии и ее союзникам относились как к поверженному врагу, даже если речь шла о гражданском населении. Более подробно данный вопрос может быть освещен в специальной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Драбкин, А.* Я дрался с панцерваффе / А. Драбкин. – М. : Эксмо, 2007. – 352 с.
2. *Иноземцев, Н. Н.* Фронтовой дневник / Н. Н. Иноземцев. – М. : Наука, 2005. – 556 с.
3. *Решетников, В. П.* Краткие рассказы Василия Осипенко / В. П. Решетников. – М. : Новости, 2007. – 320 с.
4. *Соболев, С. Н.* Исповедь [Электронный ресурс] / С. Н. Соболев. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru>.
5. *Стеженский, В. И.* Солдатский дневник. Военные страницы / В. И. Стеженский. – М. : Аграф, 2005. – 240 с.
6. *Центральный архив Министерства обороны.* – Ф. 67. – Оп. 12001. – Д. 144. Доклады в СНК СССР и НКО о сугочных нормах фронтового продовольственного пайка. 22.06.–15.07.1941 г. 301 лист.